

Bibliotheca Biblica

Цель серии *Bibliotheca Biblica* — публиковать серьезные книги по Ветхому и Новому Заветам и древнему иудаизму, которые дали бы необходимую и надежную информацию исследователям, преподавателям и другим людям, интересующимся Библией и библейским миром. Книги для этой серии отбираются Редакционным советом, состоящим из ведущих российских и иностранных библеистов разных христианских конфессий. Серия получила свое название от Библейской библиотеки при Библейском институте на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Эта библиотека — пожертвование Международного общества новозаветных исследований (SNTS) с целью помочь возродить библеистику в посткоммунистической России. Библиотека открыта для всех. Сайт в Интернете: www.bibliothecabiblica.unibe.ch.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ *BIBLIOTHECA BIBLICA*:

Проф. А. А. Алексеев, директор Библейской библиотеки и Библейского института СПбГУ, Санкт-Петербург.

Prof. Willem A. M. Beuken, заслуженный профессор ветхозаветной экзегетики Лувенского католического университета, Бельгия.

Д-р А. Э. Бодфов, ректор Библейско-богословского института св. апостола Андрея, главный редактор Издательства ББИ, Москва.

Prof. James D. G. Dunn, заслуженный профессор богословия Даремского университета, Англия.

Prof. Berndt Janowski, профессор Ветхого Завета протестантского факультета Тюбингенского университета, Германия.

Архимандрит Иоаннуарий Ивлиев, профессор СПбДА, зав. кафедрой Нового Завета Библейско-богословского института св. апостола Андрея, Санкт-Петербург.

Prof. Christos Karakolis, профессор Нового Завета Афинского университета, Греция.

Prof. Ulrich Luz, заслуженный профессор Нового Завета богословского факультета Бернского университета, Швейцария.

Prof. R. Walter L. Moberly, профессор богословия и интерпретации Библии Даремского университета, Англия.

Prof. Dr. Karl Wilhelm Niebuhr, профессор Нового Завета богословского факультета Университета Фридриха Шиллера в Йене, Германия.

Prof. Dr. Petros Vassiliadis, профессор Нового Завета богословского факультета Университета Аристотеля в Салониках, Греция.

Einführung
in das
Neue Testament

Jürgen Roloff

Philipp Reclam jun.
Stuttgart

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛЕИСТИКА

BIBLIOTHECA BIBLICA

Юрген РОЛОФФ

ВВЕДЕНИЕ
В НОВЫЙ
ЗАВЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 86.37
УДК 225
Р 67

Перевод Вадима Витковского

Верстка: Светлана Опарина

Обложка: Дмитрий Купреев

GOETHE-INSTITUT

Издание этой книги осуществлено при финансовой поддержке Института имени Гете – Die Herausgabe des Werkes wurde aus Mitteln des Goethe-Instituts gefördert

Данный перевод книги Юргена Ролоффа *Введение в Новый Завет* публикуется с согласия издательства Philipp Reclam jun.

This translation of *Einführung in das Neue Testament* by Jürgen Roloff published in 2003 is published by arrangement with Philipp Reclam jun.

Ролофф Юрген

Введение в Новый Завет / Пер. с нем. (Серия «Современная библистика» – Bibliotheca Biblica). М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2011 – viii + 227 с.

ISBN 978-5-89647-246-9

Книга известного немецкого библиста Юргена Ролоффа – одно из лучших современных введений в Новый Завет. В сжатой форме она знакомит с ранними преданиями об Иисусе, легшими в основу евангельских сюжетов, дает уникальную информацию о литературном своеобразии, содержании и богословском значении новозаветных писаний. Особую задачу автор видит в том, чтобы сделать понятными взаимосвязи как между формой и содержанием отдельных новозаветных книг, так и между разными книгами. Книга обращена в первую очередь к читателям, не имеющим специальных знаний, но желающим получить новейшие научно обоснованные данные о Новом Завете.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Philipp Reclam jun. GmbH & Co., Stuttgart, 2003

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2011
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316, Россия
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	vii
Часть I. ЧТО ТАКОЕ НОВЫЙ ЗАВЕТ?	1
§ 1. Новый Завет как собрание канонических Писаний	1
§ 2. Новый Завет как вторая часть христианской Библии	6
Часть II. УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ, ПРЕДШЕСТВУЮЩАЯ НОВОМУ ЗАВЕТУ	9
§ 3. Истоки предания об Иисусе	9
§ 4. Развитие предания об Иисусе после воскресения	23
§ 5. Миссионерские и катехизические формулы	35
§ 6. Формы богослужебного прославления	38
Часть III. СТАДИИ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ЕВАНГЕЛИЯМ	49
§ 7. Путь становления письменного предания об Иисусе	49
§ 8. Источник логиев (Q)	52
Часть IV. ПАВЕЛ И ЕГО ПОСЛАНИЯ	61
§ 9. Личность и история Павла	61
§ 10. Значение, своеобразие и проблемы посланий Павла	69
§ 11. Первое послание к Фессалоникийцам	77
§ 12. Первое послание к Коринфянам	80
§ 13. Второе послание к Коринфянам	91
§ 14. Послание к Галатам	97
§ 15. Послание к Римлянам	103
§ 16. Послание к Филиппийцам	111
§ 17. Послание к Филимону	116
Часть V. СИНОПТИЧЕСКИЕ ЕВАНГЕЛИЯ И ДЕЯНИЯ АПОСТОЛОВ	118
§ 18. Что такое Евангелие?	118
§ 19. Евангелие от Марка	123

§ 20. Евангелие от Матфея.....	132
§ 21. Историческое произведение Луки (Евангелие от Луки и Деяния апостолов)	144
ЧАСТЬ VI. ПСЕВДОЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ ПОСЛЕАПОСТОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ	162
§ 22. Введение. Послания, приписанные другим авторам.....	162
§ 23. Послание к Колоссянам.....	166
§ 24. Послание к Ефесянам.....	169
§ 25. Пастырские послания	173
§ 26. Второе послание к Фессалоникийцам.....	179
§ 27. Первое послание Петра.....	181
§ 28. Послание Иуды	184
§ 29. Второе послание Петра.....	186
§ 30. Послание Иакова.....	189
§ 31. Послание к Евреям	192
ЧАСТЬ VII. ПИСАНИЯ ИОАННОВА КРУГА	197
§ 32. Евангелие от Иоанна	197
§ 33. Три послания Иоанна.....	206
ЧАСТЬ VIII. ПРОРОЧЕСКАЯ КНИГА	210
§ 34. Откровение Иоанна.....	210
ПРИЛОЖЕНИЕ. ОБЛАСТИ И ТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НОВОЗАВЕТНОЙ НАУКИ	219
Библиография	225
Рекомендуемая литература на русском языке	227

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга дает в сжатой форме информацию о возникновении, литературном своеобразии, содержании и богословском значении новозаветных Писаний. Она обращена в первую очередь к читателям и читательницам, не имеющим специальных знаний, но желающим получить необходимые для ориентации научно обоснованные данные о Новом Завете. Учитывая такую аудиторию, автор по возможности опустил всякого рода методические разъяснения. Профессиональные выражения встречаются лишь тогда, когда без них нельзя обойтись, и в этих случаях они всякий раз кратко объясняются. Перипетии обширных научных дискуссий, учесть которые в подробностях в состоянии лишь специалисты, также оставлены в стороне. Их результаты использованы лишь в той мере, в какой они представляют собой известный консенсус исследователей. Мне показалось более важным сделать понятными взаимосвязи как между формой и содержанием отдельных новозаветных книг, так и между разными книгами.

Кроме того, эта книга может дать некоторую общую ориентацию студентам, в первую очередь тем, которые изучают богословие не в качестве основной специальности. Надеюсь, что это будет способствовать исправлению того бедственного положения, с которым я сталкивался в моей многолетней преподавательской работе, причем с каждым годом все в большей степени. Студенты не без оснований жаловались на то, что на занятиях по частным дисциплинам они вынуждены усваивать такой объем конкретного материала, что перестают различать магистральные направления и не могут уже составить целостной картины из многообразия разработанных наукой проблем и аспектов.

Имея в виду такую общую ориентировку читателей, настоящее пособие стремится соединить в себе две частные дисциплины новозаветной науки: исагогику и богословие Нового Завета. Исагогика изучает историю возникновения отдельных новозаветных Писаний, их литературную структуру, процесс их собирания и,

наконец, сведение их в новозаветный канон. Богословие Нового Завета имеет своим предметом богословские понятия и идеи Нового Завета и отдельных его произведений, а также групп произведений. Объединение двух этих дисциплин должно идти по пути показа историко-богословской взаимосвязи между развитием определенных богословских идей и возникновением отдельных новозаветных книг и их групп. При этом за основу берется то понимание, что каждая книга и группа возникали в силу определенной богословской потребности. Точнее сказать, новозаветные Писания рассматриваются как выражение истории развития богословия.

Такая программа делает необходимым исторический подход, поэтому пособие ориентировано не на расположение книг в новозаветном каноне, а на историю богословского развития, происходившего в этих книгах. Это позволяет продемонстрировать богословское многообразие литературных свидетельств древнейшего христианства. Мы имеем дело с произведениями разных авторов, которые, исходя из своей конкретной ситуации и межцерковных отношений, интерпретируют явленное в Иисусе Христе событие спасения. При этом становится заметно разнообразие этих интерпретаций, доходящее порой до противоречий. Я надеюсь, однако, что мне удастся показать и то, что разные книги Нового Завета именно в этом своем многообразии в конечном счете и создают единое свидетельство. Схематическое изображение композиции и содержания отдельных книг должны помочь при выработке основных знаний в области библеистики.

Юрген Ролофф

От переводчика

Цитаты из Библии даны, в основном, по Синодальному переводу. При существенных смысловых расхождениях с греческим оригиналом русский текст скорректирован с учетом стиля Синодального перевода.

ЧТО ТАКОЕ НОВЫЙ ЗАВЕТ?

§ 1. НОВЫЙ ЗАВЕТ КАК СОБРАНИЕ КАНОНИЧЕСКИХ ПИСАНИЙ

1. Новый Завет представляет собой в формальном отношении собрание из двадцати семи раннехристианских Писаний различного характера, которые возникли все в период между 50-м и (приблизительно) 130 гг., то есть в течение примерно восьмидесяти лет. Эти Писания не задумывались как части одного произведения. Их единство создается убеждением ранней Церкви в том, что они представляют собой главнейшие свидетельства об основах веры в Иисуса из Назарета как Христа. Это собрание называется *канон* (греч. «масштаб, мерка, правило [веры]»). К концу II в. канон обрел постепенно ясные очертания. Но он ни в коем случае не был продуктом какого-либо официального акта, принятого Церковью. Содержащиеся в нем произведения уже задолго до этого времени, в течение десятков лет использовались в различных христианских общинах и областях, что и привело к их всеобщему признанию в качестве основных документов веры. Эти Писания употреблялись для наставления, миссионерской проповеди, а с начала II в. и в богослужебных чтениях.

2. Однако *процесс собирания раннехристианских Писаний*, который должен был завершиться новозаветным канонем, протекал отнюдь не единообразно. Это было связано с тем, что разные Писания имели и различные степени известности и влияния.

Что касается *посланий Павла*, то ими уже при жизни апостола обменивались общины, основанные им и находящиеся под влиянием его богословия. Вскоре возникли собрания посланий Пав-

ла. Можно с уверенностью говорить о том, что в Малой Азии уже в начале II в. существовало такое собрание, включавшее предположительно десять посланий и предполагавшееся известным другим христианским авторам (2 Петр 3:15 сл.).

Четыре Евангелия получили повсеместное распространение на полстолетия позже. Данный факт вовсе не противоречит тому, что традиция об Иисусе имела огромное значение, напротив, он из этого вытекает. Дело в том, что еще и в течение II в. долгое время сохранялся живой поток устного предания об Иисусе. Наряду с ним существовали различные письменные сборники слов Иисуса и сообщения о Нем, служившие для наставления и проповеди. Они служили некоторым сопровождением устных преданий и отчасти гарантировали их истинность. Знание отдельных евангельских Писаний распространилось в широком кругу христианских общин, видимо, только в первые десятилетия II в.

Важное влияние на процесс возникновения канонического сборника Писаний вызвал действовавший в Риме около 140 г. лжеучитель *Маркион*. Находясь под влиянием гностических идей, Маркион подчеркивал дистанцирование истинного Бога от мира и творения, а потому отвергал использование в Церкви Ветхого Завета, проповедующего Бога-Творца. Его место должен был занять в Маркионовых общинах сборник священных Писаний, который бы находился полностью вне конкуренции. В этот сборник вошли Евангелие от Луки и десять посланий Павла. Таким образом, Маркион стал создателем первого христианского канона. «Правоверная» Церковь оказалась тем самым загнанной в угол и вынуждена была, в свою очередь, дать отчет о том, какие из христианских Писаний являются важнейшими для нее. Непосредственным следствием этого стало формирование канона тех *четыре Евангелий*, за которыми, как представлялось, стоял авторитет апостолов. В особенности способствовал повсеместному распространению идеи «тетраморфного Евангелия», то есть «Евангелия в четырех видах», крупный богослов Ириней Лионский (ок. 180 г.). Подобно тому как есть четыре мировые

эпохи, четыре ветра и четыре времени года, существуют по воле Божьей и четыре выражения апостольского свидетельства об Иисусе, и только таким их многообразием и освещается вся истина Евангелия. Наряду с четырьмя Евангелиями общее признание получили теперь тринадцать посланий Павла.

Тогда же нашло общее признание и еще одно собрание свидетельств о деятельности апостолов — Книга Деяний апостолов. Однако еще продолжительное время существовала неясность в суждении о таких находившихся в употреблении многих общин Писаниях как Послание к Евреям, так называемые «соборные послания» и Откровение Иоанна. В особенности оспаривалось в Западной Церкви Послание к Евреям, а в Восточной — Откровение Иоанна.

Конец этой неопределенности был положен лишь в 367 г. 39-м Пасхальным посланием митрополита Афанасия Александрийского. В нем определенно устанавливается, что каноническими являются 27 книг нашего нынешнего Нового Завета, причем и последовательность их в основном та же, что и теперь. Никто не должен добавлять к ним ничего и ничего от них отнимать.

Само собой разумеется, что это каноническое собрание вовсе не содержит всей дошедшей до нас первохристианской литературы I и начала II вв. Немало писаний, считавшихся первоначально важнейшими в отдельных общинах и областях, отошли ввиду отсутствия общего признания на второй план, а потому и не были приняты в канон. К ним относятся прежде всего два Послания Климента (написанные в Риме), Послание Варнавы, «Учение двенадцати апостолов» (Дидахе; возникло в сирийской церкви), два послания епископа Поликарпа Смирнского, а также (происходящее из Рима) пророчески-апокалиптическое Писание под именем «Пастырь Ерма (Гермы)». Эти книги именуются «писаниями мужей апостольских». Кроме того, существует целый ряд так называемых апокрифических евангелий, дошедших отчасти лишь фрагментарно, в том числе Евангелие от Петра, Евангелие от Евреев и Протоевангелие Иакова.

3. Писания, содержащиеся в новозаветном каноне, достаточно различны по форме, содержанию и языковому уровню. По объему самым коротким документом является Третье послание Иоанна, за ним следуют Послание к Филимону и Послание Иуды. Наиболее пространное Писание — Деяния апостолов, занимающее в издании греческого текста около ста страниц.

3.1. По числу текстов преобладают *послания*. Первыми среди посланий в Новом Завете помещаются тринадцать писем апостола Павла*. Большинство из них написаны по определенным случаям и были обусловлены необходимостью поддержания связи между апостолом и его общинами. К посланиям Павла непосредственно примыкает Послание к Евреям, обычно считавшееся в древней Церкви творением Павла (однако в протестантских изданиях Библии, следуя порядку, установленному Лютером, это послание было перенесено в конец Нового Завета вместе с Посланием Иакова и Откровением Иоанна). За корпусом посланий Павла следует еще семь писем, именуемых традиционно «соборными посланиями», так как они обращены не к какому-либо отдельному лицу или церковной общине, но адресованы всей Церкви. Это два Послания Петра, Послание Иуды, Послание Иакова и три Послания Иоанна.

К посланиям близко и Откровение Иоанна, имеющее явно форму письма. Речь идет об окружном послании семи общинам в римской провинции Азия.

3.2. Посланиям предпосланы пять исторических книг: четыре Евангелия, из которых три первые ввиду их содержательной и формальной близости друг к другу называются синоптическими; четвертое — Евангелие от Иоанна. Пятая историческая книга, Деяния апостолов, создана тем же автором, что и третье Еван-

* В восточной традиции послания Павла помещаются после соборных посланий. — *Прим. пер.*

гелие, и составляла вместе с ним единое двухчастное произведение. Это история ранней миссии и распространения Церкви. Этот так называемый «двухтомник Луки», очевидно, представляет собой наиболее сложное с литературной точки зрения Писание Нового Завета. В этом его противоположность произведениям, написанным по какому-то конкретному поводу.

3.3. Все новозаветные Писания созданы на *греческом*, причем на «койне», то есть обиходном языке эллинистического мира. При этом налицо существенные различия в языковом уровне, указывающие не только на разную степень владения греческим. Наиболее сложной формой литературного греческого владеет автор Послания к Евреям. За ним следует Лука, двухтомник которого показывает, что основой для него служил язык великих историков Античности. Наиболее неровный греческий мы находим в Откровении Иоанна. Однако, если присмотреться к тексту внимательнее, обнаруживается, что автор Откровения пишет на столь «варварском» греческом не потому, что слабо владеет языком. На деле он хочет передать колорит и звучание древнееврейского языка, который был священным языком Библии Ветхого Завета, а также первых лет Церкви. Но не только в Откровении Иоанна, а и почти везде в Новом Завете под тонким слоем греческого койне чувствуется древнееврейская основа, идущая от библейского языка Ветхого Завета. Это делает Новый Завет весьма сложным языковым явлением.

4. Обычное *подразделение* Нового Завета на исторические книги, послания и Откровение имеет с научной точки зрения только смысл грубой классификации. Нужно помнить о том, что она ничего не говорит о *времени возникновения* Писаний. Распределение Писаний по порядку их возникновения дает следующую картину:

- ◆ Подлинные Послания Павла (см. гл. IV; ок. 50 – 60 г.)
- ◆ Евангелие от Марка (ок. 70 г.)
- ◆ Евангелие от Матфея (ок. 80 г.)

- ♦ Евангелие от Луки, Деяния апостолов (ок. 90 г.)
- ♦ Евангелие от Иоанна, Послания Иоанна (ок. 90 – 100 гг.)
- ♦ Послание к Евреям; Откровение Иоанна; Первое послание Петра (ок. 90 г.)
- ♦ Послания, приписываемые Павлу; Послание Иакова (см. гл. VI; ок. 100 г.)
- ♦ Второе послание Петра (ок. 130 г.)

Бросается в глаза то, что основное число произведений возникло между 90-м и 100 гг. Если принимать длительность одного поколения за 30 лет, то первым христианским поколением нужно считать время до 60 г., второе – до 90 г., третье (то есть поколение внуков) – до 120 г.

Эта ситуация не совсем случайна: поколение внуков нуждалось в том, чтобы сделать предание более достоверным. В это время встал вопрос о преемственности традиции. В начале предание было, вне всякого сомнения, устным. В течение некоторого времени этот поток живого устного предания еще сохранялся и использовался наряду с письменными документами. Но теперь возникла угроза, что он иссякнет, чем и объясняется усиление тенденции к записи предания в третьем поколении. Перед нами встанет поэтому задача выяснить, каковы были первоначальные устные традиции.

§ 2. НОВЫЙ ЗАВЕТ КАК ВТОРАЯ ЧАСТЬ ХРИСТИАНСКОЙ БИБЛИИ

Практически Новый Завет представляет собой вторую часть христианской Библии. Название «Новый Завет» устанавливает связь с Ветхим (Старым*) Заветом, Библией народа Израиля. Здесь мы сталкиваемся с серьезной богословской проблемой.

* Слово «Ветхий» обозначает по-славянски просто «Старый», что соответствует наименованиям, принятым во всех европейских языках (Altes Testament, Old Testament и т.д.). – *Прим. пер.*

Это название отнюдь не было изначальным и само собой разумеющимся. Ибо вначале идеи, что Библия может или должна иметь вторую часть, не существовало. Иисус и апостолы имели одну Библию – Библию народа Израиля, состоявшую из Закона, Пророков и Писаний. Все они были убеждены в том, что эта Библия есть последнее и действительное слово Божье. Она читалась и толковалась не только за иудейским, но и за христианским богослужением. Вся древнейшая первохристианская проповедь была по своей сути истолкованием Писания: лейтмотивом его было убеждение в том, что в Иисусе окончательно явлен смысл святых Писаний Израиля. Предполагалось, что для постижения истины нужно только истолковать эти Писания с точки зрения христианской идеи спасительного события. Поэтому ранние христианские книги читались как такая интерпретация Библии Израиля через Христа. Можно даже сформулировать это так: Новый Завет есть в значительной степени христианский комментарий к святым Писаниям народа Израиля, к первоначальной Библии.

Название «Новый Завет» возникло лишь как результат определенной богословской интерпретации, основанной на 2 Кор 3:14. Павел говорит здесь о «чтении (вслух) Ветхого Завета». Употребляемое им греческое слово *diatheke* может быть переведено как «союз» или как «завещание». За этой двусмысленностью стоит древнееврейское слово *brît*, обозначающее действительное распоряжение Бога, «завет», данный Им народу Его Израилю. Согласно этому основному значению Новый Завет представляет собой собрание тех Писаний, которые возвещают о «новом» распоряжении или установлении Божьем для народа Его, данном в Иисусе Христе, причем в соответствии с «ветхим» распоряжением Божьим, то есть Его спасительным установлением в истории Израиля. Первым, кто последовательно применил в своем богословии спасительного завета эти понятия к обеим частям христианского Священного Писания, стал отец Церкви Ириней Лионский (ок. 180 г. по Р.Х.).

Сегодня эти понятия не без оснований оспариваются. В диалоге между иудеями и христианами ставится вопрос, не содержит ли противопоставление Нового Завета Ветхому негативной оценки Библии Израиля. Предлагается использовать вместо этого термины «древнееврейская Библия» и «греческая Библия». Но это было бы неудовлетворительно в отношении Ветхого Завета, так как он содержит и греческие тексты. Обсуждается возможность говорить о Первом Завете и Втором Завете. Я полагаю, однако, что можно сохранить традиционные обозначения, однако при том условии, что мы будем понимать смысл прилагательных «ветхий» и «новый» в библейском смысле, в смысле истории спасения: «ветхое» не есть тем самым обветшавшее и окончательно ушедшее, а «новое» не есть современное или действительное для всех. Верно будет понимать «ветхое» как основополагающее и постоянно сохраняющее силу, а «новое» — как исполнение и завершение.

УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ, ПРЕДШЕСТВУЮЩАЯ НОВОМУ ЗАВЕТУ

§ 3. Истоки предания об Иисусе

1. Предпосылки

1.1. Иисус из Назарета не был фигурой «мировой истории». Он жил и действовал в Галилее, одной из территорий, находящихся под властью восточного князя, вассала великой державы, Римской империи. Темой античной историографии были деяния правителей и сильных людей, их войны и завоевания. Поэтому не удивительно, что они не обратили внимания на Иисуса. Внехристианских свидетельств об Иисусе практически нет. Только римский историк Тацит в своих «Анналах», написанных в 116 г. по Р.Х. (15,44), сообщает в контексте описания пожара в Риме при Нероне (в котором были обвинены христиане), что некий Христос был казнен при Понтии Пилате. Другой историк, Светоний, сообщает в своей биографии императора Клавдия, написанной в 120 г. по Р.Х. (25,4), что он изгнал из Рима иудеев, подстрекаемых к мятежу неким Хрестом, причем имеется в виду несомненно изгнание из Рима иудеев и иудео-христиан, относящееся к 49 г. по Р.Х. То, что этот «Хрестос» (или «Хрест») не жил в Риме и кто он был такой, самому историку не было известно, так как он знал об этом лишь понаслышке, и эта информация его, вероятно, и не интересовала.

В иудейской письменности имеется лишь несколько неясных указаний. Так, историк Иосиф Флавий упоминает лишь в связи с сообщением о кончине Иакова, руководителя христианской общины в Иерусалиме, что он был «братом Иисуса, называемого Христом» (*Иудейские древности*, 20,200). Раввинистические сви-

детельства упоминают лишь о том, что некий Йешуа занимался колдовством, имел пятерых учеников и был казнен в канун праздника Пасхи. Ни мир, ни широкое иудейское окружение не интересовались Иисусом.

1.2. *А сам Иисус?* Он не оставил потомкам ни единой строки. При этом вполне можно предполагать, что Он не только умел читать и писать, но что Он понимал и говорил наряду со старым местным языком — арамейским — также и по-гречески. Дело в том, что Галилея была в то время в значительной мере двуязычной страной. Кроме того, Иисус происходил не из необразованных бедных крестьян и не имеющих земли поденщиков, а из среднего слоя ремесленников, которые тогда были достаточно культурными людьми.

То, что Иисус ничего не писал, было связано с формой Его деятельности. Он не хотел создавать какого-либо учения для потомков. Он хотел исполнить миссию, для которой считал себя призванным Богом. На этот основной опыт призвания указывает ранний рассказ о крещении Иисуса (Мк 1:9-11). То была миссия, которая должна была выполняться в непосредственном соприкосновении с народом Израиля: проповедовать этому народу, что Бог начинает устанавливать свою власть, свое царство и собирать Израиль, чтобы он стал народом этого царства. В отличие от Иоанна Крестителя, в кругу учеников которого Иисус, очевидно, длительное время находился, Его вестью был не призыв к обращению перед лицом непосредственно предстоящего суда (Мк 1:4; Лк 3:7 и 9:16 сл.). Иисус тоже учил, что Бог близок, что Он начинает пролагать себе дорогу и зримо устанавливать свое господство над миром, но Он идет к людям главным образом не как Судия, а как Помощник и Спаситель (Лк 6:20b — 23). Помощь Божья состоит прежде всего в том, что Он вновь собирает свой оставленный и рассеянный народ, что Он возвращает себе тех, кто принадлежит Ему. Иисус говорит о непосредственной близости Божьей, в том числе и во временном смысле. Не

определяя точных сроков «всемирного расписания», Он указывает на то, что вмешательство Бога должно произойти в скором времени. Бог ближе всех вещей и обыденных событий. Своим пришествием Он врывается в этот будничный мир. Это требует от людей определенного поведения: они должны полагаться на то, что делает и говорит сейчас Иисус.

1.3. Иисуса окружали *ученики*. Их круг состоял из людей, которых Он оторвал своим призывом от их повседневных дел, чтобы они подобно Ему и совместно с Ним приняли участие в проповеди близкого царства Божьего (Мк 3:14). О числе этих учеников мы ничего не знаем. Оно, должно быть, колебалось, во всяком случае оно было несколько большим, нежели символический круг «Двенадцати», указывающий на двенадцать колен Израилевых (Мф 19:28) и составлявший постоянный центр окружения Иисуса. Для того чтобы принимать участие в Его миссии, ученикам требовалось наставление. Одновременно это указывает и на первый источник предания об Иисусе. Круг учеников Иисуса воспринял центральные темы и содержание Его вести и впоследствии послужил их дальнейшему распространению.

Вопрос, как происходила эта передача вести ученикам, всегда интересовал исследователей. Слово «ученик», передающее греческое *mathetes*, указывает не на обычное для иудеев отношение между учителем и учеником. Это видно уже из того обстоятельства, что Иисус не был «равви» в привычном для того времени смысле слова. Ибо основная цель Его деятельности состояла не в том, чтобы передать другим свое учение. Этим Иисус отличался от иудейских учителей. Вокруг иудейского учителя также собирались ученики, которых он наставлял в Законе (Торе). От учеников требовалось запоминать сказанное (причем были важны словесные нюансы), и их целью было самим когда-нибудь сделаться учителями. Но для Иисуса обучение и научение не были направлены на сохранение преемственности предания. Этому препятствовала уже настоятельность проповеди, не терпевшая

отлагательств (Лк 9:59-62), а кроме того, очевидно, ожидание событий, находящихся в непосредственной близости, ввиду чего консервация учения для будущих поколений представлялась ненужной. Тем не менее не приходится сомневаться в том, что Иисус хотел от своих учеников, чтобы они выучили важнейшие вещи, которые им предстояло проповедовать, и тем более то, что учение Иисуса было настолько выразительным и новым, что запоминалось уже благодаря этому. При этом заметна известная свобода и беззаботность в отношении частных деталей, что соответствует общему стилю Иисуса.

2. *Проповедь Иисуса посредством притчей*

С известным правом можно говорить о притчах как о центре предания об Иисусе. В них яснее всего слышна Его характерная манера говорить. Поэтому, очевидно, притчи и запомнились слышавшим их лучше всего. В них проводятся сравнения: то, что происходит через Иисуса, что совершается в Его словах и делах, то есть приход царства Божьего, перестает быть абстракцией и становится близким и конкретным. Иисус сравнивает приход Царства Божьего с процессами, которые были известны в те времена любому человеку, жившему в Галилее, или с событиями, участником которых эти люди могли представить самих себя. Речь идет при этом не столько о наглядном изложении истин, доступных общему пониманию, сколько о том, чтобы заставить людей переоценить основы их жизни и мышления. Притчи представляют собой в высшей степени коммуникативное событие. В них Царство Божье близко подходит к самому человеку, предъявляя к нему требования, утешая его и даруя ему благодать.

2.1. Во-первых, есть притчи, в которых Иисус через пластичный образ описывает *действие Бога*, которое сам проповедует, и одновременно настаивает на том, чтобы люди согласились с

Ним. Так это, например, в притчах об обретении потерянного: о пропавшей овце, пропавшей драхме, пропавшем («блудном») сыне (Лк 15:3-32). Главная весть, которую несут эти притчи, в том, что Бог радуется возвращению тех, кто принадлежит Ему. Потому-то Иисус, осуществляющий эту Божью волю, обращается к блудницам и мытарям, то есть людям, творящим беззаконие.

Настаивая на согласии, Иисус одновременно требует от своих оппонентов признать критику несостоятельной. Мы видим это в притче о добром хозяине (Лк 20:1-16): она призвана убедить людей в том, что Иисус, обращаясь к безбожным, являет благодатную любовь Божью. Тот же, кто критикует эту любовь как неподобающую, подвергает сомнению божественность Бога.

2.2. Во второй группе притчей характеризуется *Царство Божье*. В настоящее время о нем можно узнать лишь немного. И все же в этом немногом и незначительном уже приготавливается и предвосхищается великое будущее. Поэтому нужно не отчаиваться, а уповать на то, что твердо обещано Богом. Из малого количества закваски, которое всыпает женщина, пекущая хлеб, в пятьдесят килограммов муки, получается огромное количество квасного теста (Мф 13:33). Точно так же и с тем малым и незначительным, что делает сейчас Иисус. Из горчичного зерна, имеющего крохотный размер, вырастает большое растение – в малом начале уже содержится великое завершение (Мк 4:30-32). О том же говорит Иисус в притче о сеятеле, который спокойно сеет свои семена, хотя знает, что почти все они погибнут, потому что будут растоптаны, высушены солнцем, поклеваны птицами или задушены сорняками. Но те немногие семена, которые упадут на добрую почву, принесут огромный урожай. Точно так же будет и с Царством Божиим (Мк 4:3-9). Подобным же образом вселяют ободрение притчи о сорняках (плевелах) среди пшеницы (Мф 13:24-30), о посеве, который растет сам собой (Мк 4:26-29), и о рыбацком неводе (Мф 13:47-50). Они показывают: пусть ныне обстоятельс-

тва представляются безнадежными, в конце Бог достигнет своей цели и установит свое царствие.

2.3. Есть, далее, несколько притчей с изображением ситуаций, в которых невозможно просто смотреть и ждать, а нужно участвовать и принимать решение. Они требуют от слушателей: поймите, что вы сами находитесь перед лицом Царства Божьего в такой ситуации! Вы не можете оставаться зрителями! От вашего поведения зависит то, войдете ли вы в Царство Божье, когда оно явится! В этом смысл истории об обманщике управляющем (Лк 16:1-9). Здесь изображен прохвост, который служит примером в том отношении, что он действует решительно в минуту, когда ситуация становится для него критической. То же в притче о виноградарях (Мк 12:1-11) и в рассказе о приглашении на большой праздничный пир (14:16-24). Весть, которую они несут, такова: примите приглашение, с которым обращается сейчас к вам Бог, а иначе наступит день, когда будет поздно!

2.4. Некоторые притчи дают выразительные примеры того, как следует вести себя перед лицом близости Царства Божьего, или же предостерегают от неподобающего поведения. Это истории-примеры, которые мы находим почти исключительно в особом материале Луки: притча о милосердном самарянине, который (единственный) понимает, кто его ближний, потому что не хочет задавать долгих вопросов об этом (Лк 10:30-35), о неразумном богаче (Лк 12:16-21), о богаче и бедном Лазаре (Лк 16:19-31).

2.5. В притчах можно слышать собственный голос Иисуса. Правда, Иисус говорит о вполне конкретных ситуациях. Притчи — коммуникативные высказывания, отнюдь не являющиеся вневременным учением. Здесь трудность для их передачи в традиции. Для древней Церкви притчи были священными словами Иисуса, которые стремились передать из поколения в поколение и сохранить. Но влияние притч могло быть сохранено после

воскресения только в случае применения их к новым ситуациям. Поэтому в ряде случаев дополнения к притчам и их конкретное применение привели к смысловым сдвигам.

Впечатляющий пример того, как происходило такое вторичное истолкование, дают две версии притчи о великом пире в Лк 14:16-24 и Мф 22:1-14. Если текст Лк 14:16-24 еще относительно близок к исходному варианту, то в Мф 22:1-14 притча трансформируется в предостережение членам Церкви: их поведение должно соответствовать приглашению Бога, которым они гордятся. Во многих случаях изменение служит этическому заострению притч, которые превращаются тогда в правила поведения. Так, например, Лк 16:1-8 дополняется правилами о том, как обходиться с деньгами и собственностью, «неправедным мамоной» (Лк 16:9-13). К притче о сеятеле Мк 4:3-9 добавляется толкование, завершающееся предостережением: человек должен сам стать «доброй почвой», в которой сможет укорениться семя слова Божьего (Мк 4:13-20).

3. Иисус как толкователь закона

Иисус критически относился к иудейской интерпретации закона. Не удивительно, что Его высказывания на эту тему сохранились и передавались в кругу учеников. Иисус не отвергал Закона Израиля, Горы, но признавал и заострял его как святую волю Божью. Его критика касалась в первую очередь галахи, то есть устного толкования закона, ибо Иисус был убежден, что галаха затушевывает тотальный и радикальный характер воли Божьей. Иисус не желает понимать закон как простой набор правил, которые человек должен выполнять чисто внешне, формально и тем как будто бы уже соответствовать воле Божьей, но видит в законе указание на то, что Бог требует от людей полного соответствия Его доброй воле, какой она проявилась в сотворении Им мира. Таким образом, Иисус возводит закон к его корням, то есть дает ему радикальное истолкование. Такая

интерпретация обнаруживается в ряде изречений и их композиций: Мк 10:1-19 (о бракоразводной галахе); Мк 7:1-13 (о «чистом» и «нечистом»); Мк 12:28-34 (о великой заповеди: заповеди любви как требовании любви к Богу и человеку). Ее же находим мы, пусть и в более поздней, дополненной и систематизированной форме, в антитезах Нагорной проповеди (Мф 5:21-48): «Сказано древним... а Я говорю вам». Ее мы видим и в рассказе о действиях, с помощью которых Иисус толковал закон в своем духе, в особенности в повествованиях о нарушениях Им субботы: Мк 2:23-28 (срывание колосьев в субботу) и 3:1-6 (исцеление иссохшей руки в субботу).

4. Слова мудрости

Иисус в чем-то воспринимает традицию учителей премудрости, когда формулирует правила, на которых может основываться человеческая жизнь. При этом, впрочем, бросается в глаза существенное отличие от ветхозаветной премудрости: если в этой последней суммируется полученный опыт (например, Притч 26:27: «Кто роет яму, тот упадет в нее»), то соответствующие изречения Иисуса не базируются на очевидных эмпирических ценностях, но указывают на то, что становится основой жизни ввиду близости Царства Божьего. Примером тому служат «заповеди блаженства» (в той их форме, которую мы находим в Лк 6:20b-22a, 23a и которая является, по-видимому, первоначальной):

Блаженны нищие, ибо ваше есть Царствие небесное, блаженны алчущие, ибо вы насытитесь, блаженны плачущие, ибо воссметесь, блаженны вы, когда люди ненавидят и гонят вас [...], вы возрадуетесь в тот день и возвеселитесь, ибо вот, велика награда ваша в небесах!

Здесь говорится о том, что нужно настроиться не на те ценности, которые основываются на опыте прежнего мира, но открыть себя новому опыту, возможность которого открывает Царство Божье.

5. Правила для учеников

Особый интерес представляли для учеников те слова и те способы поведения Иисуса, которые касались непосредственно их. В первую очередь это относится к историям, говорящим о следовании за Иисусом. Он выбирал отдельных людей, которые должны были связать с Ним свою судьбу и служение. Этот призыв следовать за собой вовсе не тождествен призыву к вере и обещанию Царства Божьего, так как они относились ко всем людям в Израиле.

5.1. Воспоминания о призыве Иисуса следовать за Ним нашли свое выражение в коротких рассказах («анекдотах»), в которых всякий раз подчеркивается радикальное, не терпящее возражений действие призыва «Следуй за Мною!» Таковы Мк 1:16-20 (две пары братьев: Симон и Андрей, Иаков и Иоанн) и Мк 2:13 сл. (мытарь Левий). С этим сходны по контексту воспоминания о случаях с отдельными учениками – вопрос сыновей Зеведеевых (Мк 10:35-40) и отповедь Петру (Мк 8:33). Более крупный блок составляют правила для учеников, стоящие за композицией Мф 10:1-42 (речь при отправлении на служение). Здесь устанавливаются правила для учеников, идущих на служение: они должны отправляться без денег, провизии и снаряжения (ст. 9 сл.), входить в те дома, где их охотно принимают (ст. 11 сл.), там же, где их не принимают, им не следует задерживаться, так как близость Царства Божьего не оставляет времени для ненужных задержек (ст. 13 сл.); пищу и все необходимое они должны получать от людей, у которых останавливаются, но денег от них им брать не следует.

5.2. Об особом стиле жизни сообщества учеников говорится в Мк 10:42-45: в то время как повсюду в мире действует право сильнейшего, об этом сообществе Иисус говорит так:

У вас же да не будет так. Кто из вас желает быть первым, тот да будет вам всем слугою (ст. 43).

Это группа, жизнь которой и в человеческом общении непосредственно определяется близостью Бога, и этот стиль должен привлекать других. Это «контрастное общество» (G. Lohfink).

5.3. Такая «инаковость» учеников определяется непосредственной близостью Бога. Поэтому в центре традиции, передаваемой учениками, стоит «Отче наш» (Лк 11:2-4), молитва, которую произносили, очевидно, в первую очередь последователи Иисуса, непосредственно участвовавшие в Его деле и проповеди Царства Божьего.

6. Рассказы о деяниях Иисуса

Иисус бесспорно обладал даром исцеления болезней. Он сам толковал эти исцеления как зримые знаки непосредственной близости Царства Божьего. Телесное выздоровление некоторых людей говорит о предстоящей победе Бога над всеми враждебными, угрожающими жизни силами (Мф 11:5 сл. = Ис 29:18 и 35:5).

6.1. В рассказах о деяниях Иисуса обычно бросается в глаза их схематичность. В качестве примера определенного образца, которого (с немногочисленными отклонениями) придерживаются многие истории о чудесах Иисуса, приведем историю исцеления глухонемого Мк 7:32-37:

- ♦ Больного приводят к Иисусу.
- ♦ Высказывается просьба об исцелении.
- ♦ Иисус отводит больного в сторону.
- ♦ Иисус совершает таинственное действие: Он вкладывает пальцы в уши больного и касается его языка своей слюной.
- ♦ Иисус произносит таинственное (арамейское) слово («Еффафа»: ст. 34; ср. 5:41: «Талифа кум(и)»).
- ♦ Происходит исцеление.
- ♦ Исцеление демонстрируется присутствующим.

- ♦ Ответом на исцеление становится славословие удивленного народа («заключительный хор»).

По-видимому, об Иисусе рассказывалось множество подобных историй. В них говорилось о том, как Иисус приходил в деревню и находил там больных, как тяжелы и продолжительны были их болезни, что говорил больным Иисус и что Он с ними делал, как они выздоравливали и как все могли это видеть, как Он и присутствующие радостно прославляли затем Бога.

6.2. Подобные рассказы бытовали относительно иудейских и эллинистических чудотворцев (например, об Аполлонии Тианском). Возможно даже, что в отдельных случаях уже известные истории переносились на Иисуса. Так, рассказ о воскрешении умершего сына Наинской вдовы (Лк 7:11-17), вероятно, имел основой подобные рассказы о пророках Илии (3 Цар 17) и Елисее (4 Цар 4). В отдельных случаях влияние оказывали стереотипы эллинистических чудесных историй (так называемых ареталогий). Так, встреча Иисуса с похоронной процессией в Лк 7:12 имеет яркое соответствие в рассказе IV в., дошедшем из Эпидавра: бог-целитель Асклепий встретил тяжелобольного, которого несли на носилках; он приказал отставить носилки в сторону и исцелил больного. Подобный же рассказ сохранился о чудотворце II в. Аполлонии Тианском, который встретился с похоронной процессией, несшей к могиле умершую незадолго до свадьбы девушку, и воззвал ее к жизни. В рассказах о чудесном насыщении Иисусом большой толпы людей (Мк 6:34-44 и Мк 8:1-9) можно видеть следы истории о неиссякающих муке и масле, которая рассказывается о пророке Илие в 3 Цар 17. Далее, здесь содержится широко распространенный фольклорный мотив. Например, в финской сказке рассказывается о девушке, приготовившей из трех ячменных зерен еду для целого войска. В деяниях Иисуса мы находим и мотивы проstonародных историй, например о том, как бесы вселились в свиней (Мк 5:1-20).

6.3. Такие рассказы об Иисусе имеют *двойную цель*:

- ♦ Во-первых, демонстрируются величие и могущество Иисуса. Средства, которые используются при этом, могут казаться нам слегка наивными и «пропагандистскими».
- ♦ Во-вторых, преследуется и особая богословская цель: в деяниях Иисуса символически выражается целительная сила Царства Божьего. Эти деяния уже указывают на новый мир, создаваемый Богом.

6.4. Конечно, названные обстоятельства затрудняют суждение о том, насколько *историчны* рассказы о деяниях Иисуса. Основное правило, которым следует здесь пользоваться, таково: вероятность аутентичности тем выше, чем менее схематичен и традиционен в своих чертах рассказ, чем сильнее в нем проступает то, что типично для Иисуса и Его деятельности. Это типичное нужно видеть прежде всего в том, что чудо совершается не ради внешнего эффекта, но остается двусмысленным для не принадлежащих к кругу Иисуса. Далее, для Иисуса типично то, что в центре стоит личная поддержка больного, личный акт встречи, который должен пробуждать веру: больной должен воздать справедливость Богу Израиля. Эта черта ярко проявляется, например, в истории «кровоточивой жены» (Мк 5:25-34): самое главное не чудо, но то, что наивная женщина ожидает от Иисуса невероятного. За это Иисус дает ей свое уверение: «Вера твоя спасла тебя» (Мк 5:34). Такое пробуждение веры — несомненная черта истории, действительно произошедшей с Иисусом.

6.5. В отдельных случаях в чудесные истории были переделаны рассказы о событиях, в которых на самом деле не было ничего чудесного. В особенности это относится, по-видимому, к историям насыщения (Мк 6:34-44 и Мк 8:1-9), где речь шла первоначально только о торжественных трапезах Иисуса, проходивших под знаком Царства Божьего и куда впоследствии был

включен из Ветхого Завета (традиция об Илии; ср. 6.2) мотив чудесного умножения хлебов. Рассказ о проклятии смоковницы (Мк 11:12 – 14:20 сл.), вероятно, возник из притчи о бесплодной смоковнице (Лк 13:6-9). Но в целом таких переделок историй в рассказы о чудесах было относительно немного.

7. «Анекдоты»

7.1. Важное место занимают в предании многочисленные короткие истории, в которых сообщается о каком-либо изречении Иисуса, причем это изречение заключается в нарративное обрамление. Порой это может быть и какое-то насыщенное особым смыслом действие. При этом между изречением (или действием) и ситуацией существует непосредственная связь, состоящая в том, что ситуация создает условия для понимания слов Иисуса или придает им наглядность. Важно и понятно не изречение само по себе. Главное то, кто и с какой целью его произнес. Слова выходят за рамки их собственного содержания, они должны сообщить нечто о том, кем они сказаны. В эллинистической литературе этот жанр был весьма распространен. Особенно его любили кинические философы. Известен, например, анекдот о Диогене, ходившем с фонарем среди бела дня и объяснявшем, зачем он это делает, так: «Я ищу человека». Такие короткие сцены призваны показать, что говорящий обладает юмором и «не лезет за словом в карман», легко отвечает своим критикам, заставляет замолчать задающих дерзкие вопросы. В науке такие истории называют *апофтегмами*, или *хриями*, но слово «анекдот» для нас привычнее.

7.2. Приведем несколько кратких примеров.

Согласно Мк 2:13-17, Иисус ест «с мытарями и грешниками». Фарисей протестует против этого: «Как он может принимать грешников?» Иисус чувствует протест и отвечает на него: «Не здоровым нужен врач, а больным!» Тем самым отвергается как

ложное высказанное оппонентом мнение, будто Иисус ставит себя на одну доску с грешниками и тем одобряет их поведение. Речь идет о другом: Иисус определяет свое отношение к ним, и это отношение врача к больным, которым он помогает (грех понимается как болезнь).

В Мк 2:18 сл. фарисеи спрашивают Иисуса, почему Он не постится вместе со своими учениками, в отличие от Иоанна Крестителя и его учеников. Ответ Иисуса таков: «Сыны брачного чертога не могут поститься, пока с ними жених!» Сразу становится ясно, о чем идет речь: присутствие Иисуса означает близость Царства Божьего, а потому является временем праздника и радости.

В Мк 12:13-17 противники Иисуса задают Ему тонкий и коварный вопрос: следует платить налоги или нет? Если Он ответит «да», то проявит себя, как друг римлян, а если скажет «нет», то его можно будет очернить, как зелота. Иисус реагирует столь же неожиданно, сколь и неоднозначно: «Отдайте кесарю кесарево, а Богу Божье». Эти загадочные слова зовут к размышлению и указывают на то, что притязания кесаря несопоставимы с притязаниями Бога. Этим Иисус не только доказывает свое умение хорошо ответить на вопрос, но и придает заданному вопросу подобающий ему богословский уровень. В Мк 10:13-16 рассказывается: ученики хотят прогнать детей, которых приводят родители к Иисусу. Но Иисус благословляет детей и говорит о близости их к Царству Божьему. Это пример того, как в подобного рода сцене могут соединиться изречение и действие (благословение детей).

7.3. Основу таких сцен составляет всякий раз центральное высказывание Иисуса. В некоторых случаях к изречению, существовавшему сначала самостоятельно, возможно, было добавлено действие, служащее разъяснением сказанного. Но обычно можно думать, что изречение и структура сопровождающей его сцены сосуществовали в предании. Цель рассказа ясна: должен

быть продемонстрирован авторитет Иисуса. Ссылка на Него, на Его поведение и слова дается для обоснования собственного поведения и высказываний.

При этом нужно иметь в виду, что обоснование дается в двух важных контекстах, нашедших свое отражение и в традиции: оно бывает внутренним и внешним. Внутреннее обоснование имеет место в сценах, где к Иисусу с вопросами обращаются Его ученики (например, Мк 10:13-16). Такие беседы называют *школьными*. Их пересказывали для того, чтобы показать, какого поведения ожидает Иисус от своих учеников. Внешнее обоснование дается в сценах, где с Иисусом говорят Его противники. Это беседы-споры. Их пересказывали тогда, когда нужно было защитить собственное поведение от внешних оппонентов путем ссылки на Иисуса. Если учеников Иисуса спрашивали: «Почему вы платите подать императору?», можно было ответить: «Потому что так заповедал (с известными ограничениями) сам Иисус!»

Собрания таких «анекдотов» стали составляться уже очень рано, поэтому, например, сборник бесед-споров в Мк 2:1 – 3:6 определенно старше, чем само Евангелие от Марка.

§ 4. РАЗВИТИЕ ПРЕДАНИЯ ОБ ИИСУСЕ ПОСЛЕ ВОСКРЕСЕНИЯ

1. Предание о страстях

1.1. Иисус несомненно предполагал, что Ему, возможно, предстоит насильственная смерть. Он пришел в Иерусалим, чтобы во время Пасхи, большого праздника, на который собиралось множество паломников, явить свое учение всему Израилю. При этом Он не побоялся конфликта с руководящими кругами своего народа, следствием чего стала Его гибель. Однако смертный приговор произнес римский наместник Понтий Пилат, имя которого поэтому вошло в предание об Иисусе: он велел